

Евгений Леонов:

Я вернулся. Непонятно — зачем...

Успенская газета - 1992 - 21.1.92 - с. 24

«3» итаг удачи», «Донская повесть», «Белорусский вокзал», «Премия», «Иванов», «Поминальная молитва»... Они всем известны. Потому что в любой своей роли, даже совсем небольшой, Евгений Леонов всегда был искренен и всегда отдавал ей свою душу.

Мы договорились о встрече, но она не удалась — Леонов лег в больницу. И только спустя месяц услышал я в трубке характерный смех: «Я подумал, что вы про меня уже забыли...» Расспросил о газете, рассказал немного о себе, пригласил в театр. А потом совершенно неожиданно добавил: «А может, мы напьемся на это интервью, а? Ну кому я сейчас нужен?!...»

Но плевать, честно говоря, не хотелось. И аншлаги на спектакле «Поминальная молитва» доказывали обратное. И Евгений Павлович «сдался»: «Приезжайте».

— Извечный русский вопрос «что делать?» не дает покоя. Кризис везде. В театре, в кино, в жизни...

— Мне не нравятся такие резкие установки: кризис в кино, кризис в театре. Все это вторично. Ведь кризис существует сейчас в обществе — потеря нравственности, культуры. Поэтому взаимоотношения у нас какие-то недобрые — на всех уровнях. А мне хочется объединить всех чувством достоинства, нравственным, как сейчас любят говорить, потенциалом. Ибо это утеряно! Это наклонилось. Здесь и надо искать причины того, что сейчас происходит.

На меня недавно произвел сильное впечатление один диалог. Молодой режиссер говорил о том, что происходит сегодня с искусством; откуда возник и почему продолжает литься поток пошловатых, имитирующих чужое искусство фильмов. И так закончил: надо подумать о том, кто не позволил бы этому происходить. Молодая журналистка, не поняв, о чем речь, «уточнила»: «Вы хотите вернуть цензуру?»

Нет, цензуру я не хочу вернуть. Она здесь ни при чем. Мы должны идти к свободе. Нам дали возможность раскрыть глаза на то, что мы делаем, для чего живем. И научились ли мы за свою жизнь отдавать хоть что-то? Или привыкли только брать, брать, брать?!

И до тех пор, пока мы к ребенку — к своему ли, к чужому — не будем относиться как к равному человеку — ничего не изменится к лучшему. Нужно впустить, как я говорю, Бога в себя. Тогда ты не позволишь себе пнуть ногой собаку, сбить родителей в дом престарелых...

— Он и позволит постоянно «убивать дракона» в себе?

— Конечно. Это уже оскомину набило — доброе, интеллигентное должно быть в каждом человеке... Но от этого никуда не уйдешь. Это изначальная позиция, понимаете! Пусть трудно, но надо научиться хотя бы не рывкать в ответ, сердце свое смягчить. Да, конечно, нет макарон, нет колбасы, нет масла... Но может случиться, что все это появится, да не будет другого, более ценного. Но ведь это же в секунду не возродишь!

— А занимается ли театр сегодня этим возрождением?

— Чувствую, что вы меня подводите к тому, чтобы я сказал: да, все резко упало. Но ведь театр всегда, не обязательно в реакционные годы, падал. И вновь поднимался. И это свойственно любому искусству — подниматься и падать, разбиваться и вновь вверх карабкаться. В любой профессии так же — и слезы и радость — все пополам.

Сейчас такая ситуация — ставь, что угодно. Но не поэтому ли и полезло больше пошлости? Сегодня к творчеству пришли молодые люди. И они не очень уважительно относятся к нам, старикам. К примеру, на последний съезд кинематографистов многих не пригласили.

— Да и на предыдущий тоже. Помните, Никита Михалков возмущался, что не был приглашен Бондарчук.

— Вот это меня и огорчает. В нашем обществе почему-то не любят тех, кто приходит. И с

■ ЕВГЕНИЙ УСПЕНСКИЙ

ненавистью — провожают. Я-то ладно, я — дело уходящее. Нет у нас человеческой преемственности. А нужно развивать то, что уже найдено. По-своему, конечно. Не уничтожать этот памятник необыкновенный. Не уничтожать уровень той культуры, а развивать, понимаете.

Ведь есть чему поучиться у наших великих и, к сожалению, ушедших актеров. Хмелев, к примеру, на генеральной репетиции «Ивана Грозного» разорвал свое сердце от инфаркта. Это был потрясающий, необыкновенной силы актер.

Я в сороковых годах посмотрел во МХАТе «Трех сестер» и до сих пор забыть не могу. В памяти — необыкновенные голоса сестер, которые пытались изменить жизнь свою, которые стремились к красоте...

Конечно, меняется время, меняются краски. Я не хотел бы, чтобы менялась суть.

Увы: от того искусства глубинного, сердечного, чем славился наш театр и наш, пожалуй, кинематограф, потихонечку мы ушли.

Мы сейчас смотрим американское кино. Но на самом деле американское кино мы не смотрим, потому что покупаем дешевку. Шедевры американской кинематографии стоят очень дорого. Мы все еще кричим, что отстали по показу голого тела. Но чтобы его показывать — надо его любить, надо понимать это тело. Должны же быть какие-то критерии. К примеру, против «Маленькой Веры» все восстало. А там «эти сцены» необходимы как иллюстрация распада общества, семьи.

— «Прервалась связь времен»? Неужели все разбито и не собрать осколки бывлой преемственности?

— Нет, наверное. Я думаю, остались еще люди, которые смогут передать молодым умение подойти к роли, умение соединить себя с литературой и, самое главное, умение прорваться в сердце другого человека, чтобы вызвать там радость, гнев, боль, сострадание, катарсис. Это важно. Потому что очень много жестокости в мире, много несправедливости. Зло не родит добро.

— То добро, что несли ваши герои в театре и в кино: в «Донской повести», в «Детях Ванюшина», в том же «Винни-Пухе», в «Поминальной молитве»... Да и в «Иванове», споры о котором до сих пор не утихли...

— Одно дело: посмотрел — и не понравилось. Но зачем же так набрасываться, как набрасывались на моего Иванова?! Разве это не удары ниже пояса? «Подходит» или «не подходит» роль — это не разговор. Я в «Донской по-

вести» тоже не подхожу, но каким-то образом сыграл — и люди плакали. Я к «Белорусскому вокзалу» тоже не подхожу, я вроде комик, а играю Ивана Приходько. Я никаким боком не подхожу к «Антигоне» Ануя, а играл Креона. Я совсем не подхожу к Тевье-Молочнику, но играю же его в «Поминальной молитве».

(Я испугался. Евгений Павлович стал запинаясь. Я нервно копался в кармане в поисках успокоительных таблеток... Кто бы мог подумать, что упоминание об «Иванове», спектакле, который давно уже снят с репертуара, может причинить боль моему собеседнику!)

...Действительно, какой из Леонова герой, какой Иванов? Он кругленький такой. А какой Иванов должен быть? Проведи черту эту, экзистенциалистскую что ли, и постарайся понять, как человек через два часа возьмется за пистолет и застрелится! Потому что люди через него проходят и им наплевать на его сердце. Он ни с кем не может поделиться своими мыслями. Он не нужен никому.

И это к сегодняшним дням относится. Потому что тогда тоже было безвременье, как и сейчас. А если безвременье, то — духовных интересов никаких. Плохо, что пропал интерес к этой пьесе в нашем обществе. Но страшнее другое — сейчас Чехова вообще не ставят, говорят, на него не ходит никто. Неправда. Тот же Штайн доказал, когда привез в Москву «Трех сестер». Все же хотели посмотреть, двери даже во МХАТе ломали. Я не сумел попасть, в больнице тогда был. Потом спрашиваю, что же там такое было, что все плакали? А мне говорят: «С огромной любовью и уважением поставлен этот спектакль».

Жалею, что у нас нет дощечек бронзовых, как в Лос-Анджелесе. Ц-е-ел-а-я улица из таких табличек, смонтированных в мостовую. На табличке две цифры — год рождения и год смерти артиста. И стоят люди. Я спрашиваю: «Зачем?» А мне говорят: «Они приезжают, прилетают сюда. Приносят цветы. Читают стихи. Они так любят актеров!» Вот этого нам не хватает. К примеру, проиграли наши футболисты — кто только их не ругал! Всем хотелось их пнуть, ткнуть. А ткнуть можно только тогда, когда ты сердце отдал этому, когда ты любишь этот спорт или этот театр. Только тогда, при желании и при стремлении, появятся «Три сестры» или чеховский спектакль у нас.

— Вы счастливы?

(Уже в третий раз задаю этот вопрос. Не знаю, почему, но так хочется получить на него ответ. В первый раз Евгений Павлович сделал вид, что не услышал вопрос. Позже нас прервали — в гримерную пробрался заядлый театрал и слезно упрашивал «сделать билетик». И наконец ответа дождался).

— Ну вот, вы опять хотите чего-то определенного, резкого: да или нет. А я повторяю, что резкостей боюсь.

Видите ли, я попал в такой жизненный переплет. Так получилось, что я «убрался» — на тот свет попал, а потом вернулся. И непонятно зачем...

(Прозвенел третий звонок. По внутренней связи помощник главрежа пригласил Артиста на сцену, ему предстояло играть Тевье-Молочника. И он ушел. Ушел, чтобы вызвать в нас «радость, гнев, боль, сострадание, катарсис». Чтобы встать перед нами на колени в поминальной молитве. Чтобы спасти нас, спасти наши души).

Олег НИКОЛАЕВ